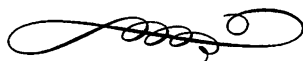

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФИЗИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. П.Н. ЛЕБЕДЕВА

Виталий Гинзбург

В ВОСПОМИНАНИЯХ ДРУЗЕЙ
И СОВРЕМЕННОКОВ

Москва
Физматлит
2011

В.В. Железняков

Эпизоды¹

О выдающихся научных заслугах Виталия Лазаревича Гинзбурга, о масштабе его личности писалось много и многими. И в этом сборнике, несомненно, будет сказано немало, в частности, о том, что основная деятельность Виталия Лазаревича проходила в Москве, в стенах ФИАН. Однако значительная часть жизни Виталия Лазаревича была связана с Нижним Новгородом (Горьким) — с Горьковским университетом (ГГУ), Научно-исследовательским радиофизическим институтом (НИРФИ) и Институтом прикладной физики (ИПФ).

В 1945 г. Виталий Лазаревич был приглашен на создаваемый в университете радиофизический факультет в качестве заведующего кафедрой излучения и распространения радиоволн. В 1956 г. при создании НИРФИ был организован теоретический отдел, где Виталий Лазаревич стал его руководителем (на общественных началах), а в 1958 г. — журнал «Известия вузов. Радиофизика», главным редактором которого он оставался в течение 40 лет, до утверждения Виталия Лазаревича главным редактором журнала «Успехи физических наук». Несмотря на тяжелую болезнь, он оставался действующим редактором УФН буквально до последнего дня своей жизни.

¹ В этих воспоминаниях использованы материалы, приведенные в сборнике «Личность в науке. В.Л. Гинзбург. Документы жизни» (Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2009).

Все знают, что Виталий Лазаревич принадлежал к тому редкому в современной науке типу ученого-универсала, который работал в самых различных областях теоретической физики и астрофизики. Сам Виталий Лазаревич в своей статье «Опыт научной биографии» составил обширный список своих научных интересов, три первых пункта которого имеют непосредственное отношение к нашему городу. Это распространение электромагнитных волн в плазме, радиоастрономия (радиоизлучение Солнца и Галактики) и излучение заряженных частиц — основные направления его научной деятельности, которые благодаря Виталию Лазаревичу получили развитие в ГГУ, НИРФИ и ИПФ. А вот о том, что Виталий Лазаревич занимался термоядерным оружием, я не знал в течение многих лет: об этом мне стало известно лишь лет двадцать назад. Раньше мы никогда не говорили на такие темы, что было вполне естественно в те времена. При этом с Виталием Лазаревичем нас связывало давнее знакомство, начиная с моей аспирантуры под его руководством и добрые отношения, продолжавшиеся почти 60 лет.

Активная и плодотворная деятельность Виталия Лазаревича в нашем городе привела к созданию выдающейся научной школы, которая интенсивно развивается и в настоящее время. Мы должны помнить о той роли, которую сыграл Виталий Лазаревич в нашей жизни и научной судьбе. Появлению научной школы Гинзбурга в Горьком (Нижнем Новгороде) способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего Виталий Лазаревич был замечательным ученым и одновременно талантливым научным руководителем, который умел заинтересовать своих аспирантов и вовлечь их в серьезную работу, чтобы они не болтались где-то «на задворках науки», а занимались важными научными проблемами. Виталий Лазаревич был яркой, незаурядной личностью, лишенной таких черт, как чванство и самодовольство. Этот дух науки привлекал молодежь. Можно сказать, что вокруг Виталия Лазаревича возникало что-то вроде эффекта «притяжения», и это не пустые слова. Примечательно, что академик А.А. Андронов приглашал на радиофак не только Гинзбурга: вместе с ним приезжали и другие известные физики, но они не оставили такого следа в истории горьковской школы, как Виталий Лазаревич. В частности, это могло быть связано с тем, что они проводили в Горьком значительно меньше времени. Напротив, у Гинзбурга

здесь был дополнительный стимул: в 1946 г. его супругой стала Нина Ивановна Ермакова, которая проживала в пригороде Горького с 1945 г. — после освобождения из лагеря, где находилась по обвинению в контрреволюционной деятельности. И только в 1953 г., после смерти вождя, она получила возможность вернуться в Москву.

Деятельность Виталия Лазаревича на посту главного редактора «Радиофизики» была весьма существенна, особенно в первые годы издания журнала, когда формировалось отношение к радиофизике как к отдельной отрасли физической науки. Важно было понять особенности научной деятельности в этой области, решить, какие части физики фактически принадлежат радиофизике. Заседания редколлегии журнала проводились часто, и острые дискуссии, которые случались на заседаниях, в конечном счете помогали получить ответы на все эти вопросы.

На кафедре Виталий Лазаревич читал студентам курс «Распространение радиоволн в ионосфере», руководствуясь изданной в 1948 г. своей книгой аналогичного названия. Слушать Виталия Лазаревича было особенно интересно в те нередкие моменты, когда ему надоедало выводить формулу для проницаемости в изотропной плазме и он говорил: «Ну, это посмотрите в книжке, а я вам расскажу последнюю новость». И с увлечением излагал последние новости науки, о которых мы иначе услышать не могли. Однако самыми яркими событиями во время приездов Виталия Лазаревича были, конечно, его семинары, на которые собиралась масса народа — все, кто имел к физике какое-либо отношение или вообще питал интерес к науке. Непременной составляющей был доклад Гинзбурга, посвященный последним новостям в физике и астрофизике и представленный с неподражаемым блеском и увлечением. Однако для нас, аспирантов, и всех тех, кто входил в «орбиту» Виталия Лазаревича, каждый семинар был и отчетом о проделанной работе. Для того чтобы сказать Виталию Лазаревичу, что докладывать нечего, нужно было иметь определенные качества, да и видеть огорчение Виталия Лазаревича было неприятно. Выступить на семинаре стремились многие, отчего роль семинара только возрастала. Правда, не все докладчики выдерживали комментарии Виталия Лазаревича во время доклада: неизменно вежливые недоумения Виталия Лазаревича по поводу очевидных для него истин или обнаруженное не очень глубокое знание предмета («Ну как

можно?!») приводили к тому, что второй раз выступить не отваживались. И такое случалось.

С течением времени посещения Виталием Лазаревичем Горького становились более редкими. Однако особую роль сыграл приезд Гинзбурга в апреле 1980 г., когда благодаря настойчивости и смелости Виталия Лазаревича он добился разрешения посещать сосланного в Горький А.Д. Сахарова для себя и своих сотрудников из Теоротдела ФИАН. Виталий Лазаревич поехал на квартиру к Сахарову в сопровождении какого-то проверенного товарища из нашего института. Вечером, после того как Виталию Лазаревичу удалось отвязаться от опеки, мы (В.Л., Саша Андронов² и я) сидели в гостиничном номере за столом под люстрой, вели какой-то нейтральный разговор и в полном соответствии с конспирацией перебрасывали листок бумаги, обмениваясь мнениями о состоявшемся визите.

Первые годы, проведенные Виталием Лазаревичем в Горьком, безоблачными считать нельзя. Так, в 1948 г. брошюра В.Л. Гинзбурга «Атомное ядро и его энергия» разбиралась на заседании партбюро университета. Импульсом послужила статья в «Литературной газете», где Виталий Лазаревич обвинялся «в замалчивании советского приоритета и подмене имен советских физиков именами американских физиков». Причина — не сослался на Д.Д. Иваненко, одного из известных в то время борцов с идеализмом в физике.

Спустя десятилетия роль Виталия Лазаревича в создании радиофизической школы в Нижнем Новгороде была высоко оценена Нижегородским университетом: он избрал Виталия Лазаревича своим почетным профессором (в возрасте 84 лет) 28 января 2001 г. (я помню эту дату — день моего юбилея). Виталий Лазаревич выступил с докладами перед многочисленной аудиторией в университете и Институте прикладной физики. Это был последний приезд Виталия Лазаревича с Ниной Ивановной в наш город. Между прочим, Нобелевскую премию Гинзбург получил спустя три года (в 2003 г.), и только после этого Московский университет преподнес ему диплом почетного доктора как выдающемуся выпускнику МГУ. Проявленная нашими университетами поспешность потрясает.

² Ныне — член-корр. РАН А.А. Андронов.

В 1970 г. в Брайтоне собралась Ассамблея Международного астрономического союза, которая отметила выдающееся событие в астрономии (да и в физике) — обнаружение пульсаров — двумя пленарными докладами: А. Хьюиша об открытии пульсаров и В.Л. Гинзбурга о теории их излучения. Среди астрономов это считается большой честью. Во время Ассамблеи Сассекский университет избрал Виталия Лазаревича своим почетным доктором. Церемония была торжественной. Ректор университета и мэр Брайтона шествовали в мантиях; облаченный в мантию Виталий Лазаревич выглядел очень эффектно. Нашим академикам было разрешено явиться в Англию с женами. Виталий Лазаревич был вместе с Ниной Ивановной. Ее общительный характер и хороший английский позволили ей оживленно общаться с представителями и представительницами зарубежного научного сообщества. Суммируя впечатления от поездки, Виталий Лазаревич в разговоре заключил, что теперь его за границу скоро не выпустят. И как в воду глядел...

В жизни Виталий Лазаревич не был подавлен своей ученостью. Все награды, звания и премии (включая Нобелевскую) не изменили его характера. Он был, а не казался, человеком открытым, искренним, говорил, что думал, в некоторых случаях себе во вред. Важным качеством Виталия Лазаревича была способность к самоиронии: посмеяться над собой — качество, не частое в академических кругах. Вот два примера.

В конце эпохи советской власти и в начале моды на дубленки Академия наук предоставила возможность своим членам приобрести этот дефицит. Мы встречаем Виталия Лазаревича в Горьком на вокзале. Он выходит из вагона в дубленке. «У Вас роскошный вид!» — и Виталий Лазаревич останавливается, достает из кармана бумажку, начинает читать: «Если ты надел пальто, каждый знает, кто есть кто ...», и далее по тексту. Довольный произведенным эффектом, смеется вместе с нами.

Сцены в Горьком. В гостях Виталий Лазаревич рассказывает, как он был в Америке, в Калифорнии (эпохальное событие в давние времена). Привели Виталия Лазаревича к профессору N., у него собственный самолет. Садимся, взлетаем, вид великолепный, N. предлагает Виталию Лазаревичу порулить, но он отказывается. В следующий приезд зашла речь о его полетах над Калифорнией на частном самолете. Виталий Лазаревич удивлен: «На каком самолете?» Далее следует допрос: «Вы

были у профессора N.?» «Да, был». «Есть у него самолет?» «Нет у него никакого самолета!» «Он предлагал Вам взять управление на себя?» «Да не было этого ничего!» И затем следует анекдот, который Виталий Лазаревич вновь рассказал спустя многие годы на заключительном 1700-м московском физическом семинаре. Старейшая актриса Малого театра Яблочкина славилась своей забывчивостью. И вот звонит она более молодой подруге Пашенной: «Милая, я пишу мемуары, но не могу вспомнить, жила я с Сумбатовым-Южиным или не жила?»

Многое изменилось без Виталия Лазаревича. Общее собрание Академии как-то потускнело. Раньше эмоциональные и подчас резкие выступления Гинзбурга оживляли аудиторию и не вызывали отторжения у президиума. Все понимали, что горячие слова Виталия Лазаревича вызваны бескорыстной заботой о состоянии науки в стране, а не интересами иного сорта. Прекратил работу знаменитый московский физический семинар под руководством В.Л. Гинзбурга, 1700 заседаний которого собирали в ФИАН всю физическую Москву, да не только ее. Об этом издана прекрасная книга «Семинар». Семинар этот я, к сожалению, посещал редко. Однако два заседания мне запомнились: оба были хороши по-своему.

Как-то раз был объявлен доклад академика Л.В. Келдыша. Выступлениями на семинарах Келдыш, по-видимому, не баловал, и публики собралось много. Виталий Лазаревич открыл заседание, объявив, что он поручил Леониду Вениаминовичу рассказать о содержании какой-то зарубежной статьи (если не ошибаюсь, посвященной дробному квантовому эффекту Холла). Когда рассказ был окончен, после некоторого молчания Виталий Лазаревич произнес: «Леонид Вениаминович, я что-то здесь ничего не понял». «Я тоже», — кратко сказал Леонид Вениаминович. Несколько опешив, Виталий Лазаревич спросил: «Ну, все-таки, какие же выводы мы можем сделать отсюда для нашей дальнейшей деятельности?» «Да никаких», — ответил Леонид Вениаминович. И семинар на этом благополучно завершился.

История второго семинара началась для меня в Бакуриани на школе по физике плазмы (1968 г.). Там меня представили академику М.А. Леонтовичу, с которым раньше я не был знаком. Узнав, что я — ученик Гинзбурга, Леонтович сказал: «Вот ваш Гинзбург пишет о сверхпроводимости в звездах, а мой Т. недавно показал, что теория сверхпроводимости Бар-

дина—Шриффера—Купера (БКШ) неверна. Поэтому и все следствия из нее ошибочны». Я ответил, что мне хотелось бы услышать и другую сторону. (В это время В.Л. Гинзбург и Д.А. Киржниц занимались анализом сверхпроводимости и сверхтекучести нейтронных звезд.) Вскоре случай представился. Я приехал в Москву, чтобы дописать с Виталием Лазаревичем какую-то статью по пульсарам. Пришел к нему домой, но дело не пошло: Виталий Лазаревич рвал и метал по поводу открытия Т., который должен был в этот день выступить на его семинаре в ФИАН. Я утешал его, как мог, пользуясь сомнительными аргументами вроде «кто он, а кто Вы», «не сердитесь, а то зал подумает, что Вы не правы» и т. д. Так или иначе, пришли мы в ФИАН. Зал был полон: по физической Москве быстро разнесся слух, что будет скандал. Виталий Лазаревич открыл семинар, Т. изложил свои аргументы. Они, наверное, были глубже оставшихся в моей памяти. А осталось вот что: в теории БКШ интегральное уравнение для величины энергетической щели в сверхпроводнике было решено путем некоторого упрощения вида подынтегрального выражения. Это неверно, утверждал Т., и надо упрощать иначе. При этом величина щели получается совершенно другой и заведомо не соответствует существующей в сверхпроводниках. Следовательно, теория БКШ неверна. Доклад прошел без вопросов. В заключение поднялся Виталий Лазаревич и сдержанно заявил, что в его многолетней научной практике расхождение на пятьдесят порядков встречается впервые. Затем встал Киржниц и заявил, что ликвидировать невежество Т. не входит в круг его жизненных интересов. Однако надо сказать, что за прошедшее после появления теории БКШ время это уравнение было решено точно (в модельных представлениях). Это доказывает правильность теории БКШ и следствий из нее. Семинар на этом закончился — истина восторжествовала.

Все изложенное выше — лишь несколько эпизодов из жизни Виталия Лазаревича. Полное описание разных сторон жизни и деятельности Виталия Лазаревича Гинзбурга — крупнейшего ученого и общественного деятеля, яркой выдающейся личности — лежит за пределами возможностей одного человека. Мозаика воспоминаний, собранных в этой книге, несомненно, поможет решению такой задачи.